

НЕКОТОРЫЕ СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ НЕРЧИНСКОЙ КАТОРГИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АРХИВНОЙ РАБОТЫ БЫВШИХ ПОЛИТКАТОРЖАН

Архивная работа политкаторжан, репрессированных царизмом, была одним из важных направлений их общественной деятельности в советское время. Работа с архивными документами имела большой круг задач, и одна из них – подборка материалов для написания в будущем объемного труда по истории каторги и ссылки, в том числе Нерчинской каторги. Подборкой архивных документов целенаправленно занимались разные структуры Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, созданного в 1921 г., в частности, отделения, которые разбирали местные архивы и составляли каталоги; землячества, которые использовали архивные документы для научной работы. Особенно плодотворно шла работа Забайкальского отделения Общества, находившегося в Чите, где сосредоточились архивные документы по истории Нерчинской каторги. Для реализации грандиозного проекта по написанию истории каторги, например, в 1930 г. члены Забайкальского отделения извлекли архивные документы, на основе которых бывшие каторжане написали исследовательские работы и опубликовали их в изданиях Общества.

За исследование документального материала взялся бывший узник Нерчинской каторги Н. Н. Жуков. В результате исследований автор опубликовал своеобразную дилогию в сборнике «Нерчинская каторга»: «Из недр архива (материалы к истории Нерчинской каторги)» и «Режим клуба или возмутительное издевательство над законом». Н. Н. Жуков хорошо знал историю Нерчинской каторги. Он родился на Нерчинском Заводе в 1885 г. За работу в партии эсеров в 1907 г. был осужден, наказание отбывал сначала в Шлиссельбурге, в 1912–1913 гг. – в Алгачах и Горном Зерентуе, на поселении жил в Чите до 1917 г.

В работах автор высказал собственное мнение об этапах каторги, особенностях режима и борьбе каторжан за права заключенных.

В первой работе автор обратился к ранней истории Нерчинской каторги с момента ее возникновения в XVIII веке до Карийской трагедии 1887 г. Во второй работе автор основное внимание уделил борьбе политкаторжан с режимом каторги периода 1906–1908 гг.

В основу работы «Из недр архива (материалы к истории Нерчинской каторги)» легли дела Нерчинского горного округа и Нерчинской воеводской канцелярии. (К моменту выхода сборника, дела архива Нерчинской воеводской канцелярии были отправлены в Москву). Документы датируются с начала 1700-х гг. – времени насильственного переселения крестьян для работы в Нерчинских рудниках, до 1887 г. – столкновения каторжанок С. Богомолец и Е. Ковальской с администрацией Карийской тюрьмы. Автор в трех главах пишет обстоятельную историю каторги с момента возникновения, помещая многочисленное количество извлечений из архивных фондов. Работа Н. Н. Жукова «Нерчинская каторга»: «Из недр архива (материалы к истории Нерчинской каторги)» занимает важное место в историографии Нерчинской каторги. Автор попытался определить этапы ранней истории Нерчинской каторги. Она прослеживается в названиях глав: «Возникновение Нерчинских рудников и тюрем при них», «Зачатки политической каторги», «Кара». Собственно история политической каторги изложена в двух последних главах. Основная задача первой главы – составить представление о «гиблом» месте Нерчинских рудников и трудной участи «колодников» «старой эпохи». Автор делает вывод, что первоначально нерчинское «серебро» – свинцовые рудники рассматривались самодержавием как «доходное предприятие» для извлечения из каторжан максимум труда при минимальной денежной затрате на их содержание.

Н. Н. Жуков подробно рассматривает материальное положение каторжан, наказания, военные суды, меры администрации к прекращению побегов ссыльных. Попутно рассказывает о том, как развивалось рудничное дело в Нерчинском округе, приводит статистику добычи серебра в разные годы и подчеркивает «хищническое» отношение к рудникам.

Во второй главе «Зачатки политической каторги» Н. Н. Жуков пытается связать «новую эпоху в хозяйстве Нерчинских заводов» с политической каторгой. Время «зачатков» политической каторги, по мысли автора, – вторая половина 1700-х гг., когда стали поступать «секретные преступники». Однако редакция сборника выразила несогласие с обозначением «секретных» преступников государственными или политическими, указав, что вряд ли есть основания считать их таковыми².

Ограниченность источниковой базы не позволила автору в равной степени исследовать жизнь политических каторжан разных эпох. Он лишь пунктиром обозначил некоторые сюжеты из жизни политических заключенных: декабристов, польских повстанцев (1830 г.), петрашевцев, поэта Михайлова и В. А. Обручева, Н. Г. Чернышевского, полковника А. Красовского, польских повстанцев (1863 г.) и каракозовцев. Отсутствие архивной базы о пребывании декабристов в Благодатском руднике (архивный материал из делопроизводства Нерчинского горного округа по личному распоряжению Александра II был направлен в Петербург) заставило автора использовать работу А. К. Беляевского «Декабристы в Забайкалье», изданную в 1925 г. Автор коротко рассказывает о пребывании декабристов в рудниках и делает вывод, что для царизма это был удачный опыт изоляции «важных преступников», теперь Нерчинские рудники перестали рассматриваться «как доходное предприятие».

О польских повстанцах 1830 г. автор разыскал, видимо, мало документального материала, поэтому о них написано скупо. Например, он указывает различия в терминологии разных групп репрессированных: каторжные поляки носили официальное название «политических», в отличие от ссылаемых на каторгу русских революционеров, носивших название «государственных».

Довольно много автору удалось разыскать документального материала о петрашевцах, например, их материальном положении. Он приводит документ о раскладке продуктов, исчисляемой в сумме 18 руб. 40 коп. на человека в год. Рапорт управляющего Шилкинским горным округом коллежского секретаря Аргунова на имя начальника Нерчинских горных заводов рассказывает о бедственном положении государственного преступника Буташевича-Петрашевского.

Много документального материала автору удалось выявить о пребывании Н. Г. Чернышевского в Кадаинском руднике и Александровском заводе. Основная часть документов рассказывает о мерах по предупреждению побега Н. Г. Чернышевского.

Автор выявил материалы, которые подробно освещают малоизвестные факты о пребывании полковника А. Красовского на каторге, его побеге и смерти.

Достаточно много материала автору удалось разыскать о пребывании польских повстанцев 1863 г. Автор приводит некоторые

документы и заостряет внимание на некоторых особенностях польской каторги. По мысли автора, трудности пребывания поляков на каторге заключались не только в тяжелой работе и грубом обращении конвоя, но и в запрещении ссыльным полякам исполнять религиозные обряды. «Это запрещение совершения обрядов ...имело немаловажное значение: царское правительство ...отправило на каторгу польское духовенство, помещиков и интеллигенцию, для которых католицизм являлся своего рода знаменем восстания»³. Автору удалось выявить количество работающих поляков на рудниках в 1867 г. – 565 человек. К сожалению, автор не указывает источник, что говорит о низком уровне архивной работы.

В третьей главе «Кара» Н. Н. Жуков подробно освещает историю Карийских золотых рудников с момента их открытия – 1838 г. Автор отмечает, что с 1850 г. начинается добыча золота трудом каторжан. Н. Н. Жуков красочно описывает тяжелую работу, плохое питание, болезни, истязания и побегии заключенных. Для иллюстрации им приводятся таблицы о числе больных тифозной горячкой, цингой и другими болезнями. Примечательно, что автор вынул на свет приказ управляющего Нерчинскими золотыми промыслами подполковника Разгильдеева, который старался доказать, что причина болезни каторжан не в непосильной работе и плохой пище, а в климатических условиях Кары. В приказе есть такие строки: «Листок этот передаю в архив Карийский. И тот, кто после нашей смерти будет просматривать Карийский архив, увидев эти строки, скажет, в несчастьях они были терпеливы, ... любили царя, были верны долгу...»⁴. Н. Н. Жуков на этот счет пишет, что 80 лет прошло с тех пор, как Разгильдеев вложил этот приказ в Карийский архив, надежды Разгильдеева сбылись, в 1930 г. заботливая рука Забайкальского отделения Всесоюзного общества политкаторжан, перелистывая листы Карийского архива, извлекла этот приказ на суд истории.

В данной главе автор настойчиво обращает внимание на тот факт, что истощение рудников заставило царское правительство рассматривать Забайкалье и Нерчинские рудники не как место для «доходного предприятия», а как место удаления и наказания наиболее важных государственных и политических преступников. По мысли Н. Н. Жукова, поворотным пунктом для «перестройки всей тюремной системы» стал 1870 год, когда Карийские рудники стали использоваться исключительно с карательной целью.

Архивные документы помогли автору нарисовать некоторые портреты царских тюремщиков. Например, в руки автора попали материалы, освещающие лояльное отношение к политическим заключенным начальника Карийской каторги полковника Кононовича. Автор объективен, он пишет: «Делая целый ряд отступлений от устава, вроде разрешения носить собственную одежду, улучшать питание, Кононович, кроме того, умело устранял с пути государственных преступников все мелки и подводные камни»⁵.

Довольно много документального материала автор задействовал для характеристики тюрьмы после 1884 г. По мнению автора, вследствие назначения на пост заведующего государственными преступниками Карийских золотых промыслов отдельного корпуса жандармов ротмистра Николина наступило резкое ухудшение режима. Кстати, с его заключением не согласилась Е. П. Ковальская, которая в примечании к статье указала, что ухудшение режима наступило не при Николине, а после побега политзаключенных с Кары в 1882 г.

Материалы канцелярии забайкальского губернатора стали основой его работы «Режим клуба или возмутительное издевательство над законом». «Возмутительное издевательство над законом» установилось на каторге к 1906 г. Извлечения из переписки царских чиновников, которую использовал автор, свидетельствуют о борьбе политических с каторжным режимом.

Основная задача статьи – показать борьбу революционеров с режимом каторги после назначения начальником каторги Метуса, приведившего в «жизнь» приказ губернатора «минуя всякие препятствия, ввести строгий порядок во всех каторжных тюрьмах, в особенности, где содержатся политические», и реакцию политических каторжан на «закручивание гаек».

Автор говорит, что при слабовольном начальнике каторги полковнике Развозове до 1906 г. на каторге установился «режим клуба или возмутительное издевательство над законом»: «Ношение собственной (не арестантской) одежды без кандалов и наручников, открытые двери камер, свободная переписка с внешним миром, улучшение пищи путем устройства тюремной коммуны, свободное получение газет и журналов и т. д. – все это, конечно, не подходило ни под один из параграфов “Устава о содержании под стражей”»⁶. Политкаторжане, «издеваясь над законом», установили в тюрьмах каторги свой неписаный устав о содержании

под стражей, включив в него, помимо перечисленных льгот, еще и право не снимать шапки перед начальством, отказ отвечать «здравия желаю», требование вежливого обращения и пр. По мнению автора, этому способствовало то, что политкаторжане после революции представляли сплоченную массу, «еще не остывшую от революционной борьбы и сильную поддержкой рабочего движения и общественного мнения», в то время как «тюремный аппарат не был на высоте положения»⁷. После назначения начальником каторги Метуса началась борьба заключенных за свои права.

Много документального материала помещает автор для иллюстрации борьбы политкаторжан с режимом. Переписка царских чиновников наиболее достоверно, на взгляд автора, свидетельствует о противостоянии политических заключенных и царской администрации: в «Акатуевской тюрьме делается подкоп для массового бегства арестантов», в «Акатуевской тюрьме обнаружен подкоп двадцати аршин, ведущий корпуса тюрьмы за ограду», «в ночь на 6 августа из Акатуевской тюрьмы бежали политические каторжане», «Измайлов доносит одиннадцатого июля: политические объявили голодовку». После убийства Метуса в 1907 г. в Чите, а также начальника Алгачинской тюрьмы Бородулина в Пскове, и назначения начальником каторги полковника Викторовского, весьма слабохарактерного человека, положение в тюрьмах стало меняться. В тюрьмах постепенно водворяется «режим клуба и возмутительное издевательство над законом». Только в марте 1908 г., по мнению автора, когда на пост начальника каторги назначается полковник Забелло, начинается новая страница в истории «введения параграфов уставов о содержании под стражей в тюрьмах Нерчинской каторги».

Н. Н. Жуков взялся за комплексное исследование истории Нерчинской каторги XVII–XIX вв. Автор впервые вынул на свет уникальные архивные материалы, которые в досоветское время не могли быть задействованы по политическим мотивам. Автор считает борьбу политических каторжан за свои права одним из звеньев революционной борьбы. Н. Н. Жуков высказал собственную позицию по проблеме этапов каторги. Первый – «зачатки» политической каторги – связан с декабристами, польскими повстанцами, петрашевцами. В это время правительство смотрело на рудники как на «доходное предприятие». Второй – собственно политическая каторга – началась с нечаевцев, после «разгильде-

евщины», когда Карийские тюрьмы стали использоваться только с карательной целью и рассматриваться как место удаления. С этой же мыслью, видимо, согласилась бывшая политкаторжанка А. В. Якимова-Диковская. Ею была «просмотрена и поправлена» вторая часть статьи. Н. Н. Жуков вскрыл пласт исторических источников, с помощью которых он не только нарисовал картину протестов политкаторжан, но и другие немаловажные сюжеты каторги, например, внутреннее состояние тюрем, положение каторжан, противодействие тюремной администрации, протесты политических каторжан; дал характеристику тюремных чиновников. В работе автор подчеркнул, что борьба революционеров с режимом каторги в первую очередь зависела от состояния революционного движения на воле, режим же каторги в какой-то степени зависел от человеческих качеств чиновников каторги. Работа непрофессионального историка имеет и свои минусы. Сожаление вызывает отсутствие конкретных ссылок на источники.

Примечания

1. *Жуков Н. Н.* Из недр архива (материалы к истории Нерчинской каторги) // Нерчинская каторга : сб. Нерчинского землячества. М., 1933. С. 7–81, *Он же.* Режим клуба или возмутительное издевательство над законом // Там же. С. 120–129.
2. *Жуков Н. Н.* Из недр архива (материалы к истории Нерчинской каторги). С. 31.
3. Там же. С. 46.
4. Там же. С. 58.
5. Там же. С. 63.
6. *Жуков Н. Н.* Режим клуба или возмутительное издевательство над законом. С. 120.
7. Там же. С. 121.

ВОЛОСОВ Е. Н.

РУКОВОДИТЕЛИ ТРАНСПОРТНЫХ И СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ВЫБОРНЫХ ОРГАНАХ КПСС В 60–80-Е ГГ. XX В. (НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Одной из важных статусных позиций для времени 60–80-х гг. являлось место в выборном органе: партийном, советском, на худой конец, – профсоюзном. Для молодежи таковым являлся выборный комсомольский орган.

Но одного желанья для избрания того или иного кандидата было мало. Избирательная система в Советском Союзе носила